

Глава 1

10 апреля 1912

Тишину в столовой нарушало только тиканье больших, украшенных инкрустацией и резьбой часов на каминной полке да еще деликатный шелест салфетки из плотной льняной ткани. В огромном обеденном зале, где холодно было так, что у Эдвины немели пальцы, за столом сидели одиннадцать человек. Опустив глаза, она взглянула, как в лучах утреннего солнца сверкает на пальце кольцо невесты, и улыбнулась, бросив взгляд на другой конец стола, где сидели родители. И пусть отец ее устремил взгляд в тарелку, она видела, как он лукаво улыбается краешком рта. И еще она точно знала, что под столом он держит руку мамы. Предоставленные самим себе, ее родители постоянно поддразнивали друг друга, смеялись и игриво перешептывались, и друзья их частенько говорили: неудивительно, что у этой пары шестеро детей! В сорок один год Кейт Уинфилд выглядела ничуть не хуже, чем в восемнадцать: сохранила гибкую фигуру и тонкую талию. И если смотреть со спины, зачастую было трудно отличить Кейт от Эдвины, старшей дочери, такой же высокой, с блестящими темными волосами и огромными голубыми глазами. Мать

и дочь были очень близки — их семья вообще была очень дружной: они много смеялись, болтали, а случалось — плакали, обнимались и шутили, и без озорных проделок не проходило и дня.

И сейчас Эдвина едва могла сохранять серьезное лицо, глядя, как брат Джордж выдыхает облачка пара в арктическом холоде столовой, которую дядя Руперт, он же лорд Хикам, любил вымораживать, как на Северном полюсе. Ни к чему подобному дети Уинфилдов привычки не имели. Куда комфортнее теплый климат Калифорнии и удобство американской жизни. Месяцем раньше они прибыли сюда из Сан-Франциско, чтобы погостить у тети с дядей и заодно объявить о помолвке Эдвины. История, похоже, решила повториться — Англия в их семействе играла роковую роль. Двадцать четыре года назад Элизабет, сестра Кейт, вышла замуж за лорда Руперта и прибыла в Англию, чтобы стать виконтессой и хозяйкой поместья Хавермур. В двадцать один год она повстречала лорда Хикама, который был намного старше, когда приехал в Калифорнию в компании друзей, и влюбилась до смерти. Более двадцати лет спустя ее племянники и племянницы ломали головы над загадкой этой страсти. Сухой, неприветливый, до ужаса негостеприимный лорд Хикам, похоже, никогда не смеялся, и всем им было ясно, что ему ужасно неприятно уже само присутствие в доме детей. То есть не то чтобы он их не любил, спешила объяснить тетя Лиз, просто не привык к ним, поскольку собственных детей у лорда никогда не было.

Наверное, именно поэтому лорд пришел в ярость, когда Джордж запустил пару-тройку крошечных головастик в его стакан с элем (это когда дядя Руперт вер-

нулся с утиной охоты, на которую ездил вместе с их отцом). По правде говоря, Руперт давно перестал мечтать о собственных детях, но когда-то давно понимал, что ему нужен наследник, чтобы было кому оставить и Хавермур, и прочие обширные поместья. В конце концов стало ясно, что Великий План ничего подобного не предусматривает. Первая супруга лорда успела настрадаться выкидышами, прежде чем умереть от неудачных родов за семнадцать лет до того, как лорд женился на Лиз, которую он без конца корил за то, что она тоже не подарила ему детей. Конечно, он не хотел иметь их в таком количестве, как Кейт и Бертрам, и уж точно желал бы видеть более воспитанными, нежели их дети. Совершенно возмутительно, выговаривал он жене, что только не сходит им с рук! Но таковы уж американцы, это всем известно. Ни чувства собственного достоинства, ни умения держать себя в руках, ни образования или хотя бы подобия дисциплины. Однако он испытал огромное облегчение, когда Эдвина собралась замуж за юного Чарлза Фицджеральда. Похоже, девица не столь уж безнадежна, проворчал он, когда Лиз сообщила ему эту новость.

Лорду Хикаму сравнялось семьдесят, и он, мягко говоря, не обрадовался, когда Кейт написала сестре, спрашивая, нельзя ли им всем приехать да пожить у нее. Они собрались в Лондон, чтобы встретиться с Фицджеральдами и объявить о помолвке, но Руперта шокировала мысль, что они все заявятся после этого в Хавермур.

— Что, со всем выводком? — Казалось, лорд пришел в ужас, когда за завтраком Лиз осторожно задала ему вопрос. Наступало время Рождества, а они собирались приехать в марте. Лиз надеялась, что у нее в запасе

достаточно времени, чтобы убедить Руперта. Кто знает — может, он и в самом деле даст согласие? Лиз отчаянно хотелось, чтобы сестра приехала и чтобы дети оживили ее унылое существование. За двадцать четыре года жизни с Рупертом она возненавидела Хавермур и тосковала по сестре и счастливому детству, которое было у них в Калифорнии.

Жить с Рупертом было тяжело, и их брак так и не стал тем союзом, о котором она мечтала. Сперва ее впечатляли величавость надменного аристократа, титул, подчеркнутая учтивость в обращении и рассказы о «цивилизованной жизни» в Англии. Разница в возрасте у них составляла двадцать пять лет, и, прибыв в Хавермур, Лиз была неприятно поражена мрачной и угнетающей атмосферой имения, в котором к тому же царила ужасающая разруха. В те дни у Руперта имелся также дом в Лондоне, но вскоре Лиз поняла, что он им даже не пользуется. Через четыре года, ни разу не появившись в этом доме, он продал его одному из своих добрых друзей. Она понимала, что ей помогли бы дети, и жаждала завести настоящую семью и услышать, как в мрачных залах звучит эхо детских голосов, но год шел за годом, и стало ясно, что судьба распорядилась иначе, и она жила лишь встречами с детьми Кейт в редкие наезды в Сан-Франциско. Но в конце концов даже в этих маленьких радостях ей было отказано, поскольку Руперт сделался слишком болен, чтобы путешествовать, а потом и вовсе объявил, что стал слишком стар. Подагра, ревматизм и почтенный возраст отныне не позволяли ему странствовать по миру, и нужно было, чтобы жена заботилась о нем день и ночь. Лиз оказалась запертой в Хавермуре, как в ловушке. И чаще, чем ей бы

хотелось признать, она мечтала о том, чтобы вернуться в Сан-Франциско, но все эти годы ее мечты так и оставались мечтами. Поэтому приезд Кейт и детей имел для нее особенное значение, и она была очень благодарна Руперту, когда он сказал, что они могут приехать, лишь бы не вздумали остаться у них насовсем.

На такое счастье Лиз даже не надеялась. В последний раз родственники приезжали сюда несколько лет назад, и она ликовала. Все эти годы она только и мечтала, чтобы снова прогуляться с сестрой по саду. Когда-то их можно было принять за близнецов, да и теперь Лиз поразила вид сестры, которая выглядела молодо и привлекательно и, похоже, была до сих пор влюблена в Берта. Уже в который раз Лиз горько пожалела, что вообще вышла за Руперта, и все эти годы задавалась вопросом — какой была бы ее жизнь, не сделайся она леди Хикам. Вышла бы замуж в Штатах...

В юности они с Кейт были такими беззаботными и счастливыми — дома, с обожающими их родителями. Когда им стукнуло восемнадцать, обеих стали вывозить в свет, и девушки наслаждались жизнью: званые обеды, балы, вечеринки, — а потом откуда ни возьмись появился Руперт, и Лиз уехала с ним в Англию. Прожив почти полжизни, она так и не почувствовала себя дома. Ни в одной мелочи не удалось ей изменить порядки, заведенные Рупертом до того, как она приехала в Хавермур. Собственно, Лиз так и осталась здесь гостьей, которая не имеет ни влияния, ни власти и которой даже не рады. Поскольку она не сумела произвести на свет наследника, и само присутствие ее здесь потеряло смысл.

Как непохожа на ее серые будни жизнь сестры! Разве Кейт сможет ее понять? Молодой темноволосый кра-

савец муж и шестеро прекрасных детей, которые появлялись, как дар Небес, с завидным постоянством на протяжении двадцати двух лет счастливого брака. Три сына и три дочери обладали веселым нравом и крепким здоровьем. Унаследовав ум и красоту родителей, все, как отец, отличались живым чувством юмора. И вот что удивительно: любой, кто знал Кейт и Берта, сказал бы, что они одарены слишком щедро, и тем не менее им если и завидовали, то по-доброму, потому что сомнений не было: они-то свое счастье заслужили. Лиз тоже не позволяла себе зависть черного толка, хоть и завидовала сестре и нередко высказывалась вслух. Это казалось правильным, потому что Кейт и Берт были людьми достойными, воплощением честности, порядочности и доброты. И они отлично сознавали, что счастье — их главное богатство, о чем считали необходимым говорить с детьми. Лиз грустила о любви, которой никогда не знала: ребенка, супруга, — и нежной любви, которая крепко связала Кейт и Бертрама. За долгие годы жизни с Рупертом Лиз научилась сдержанности. Говорить ей было не с кем, да и не о чем. Руперт никогда особенно ею не интересовался. Пока был помоложе, его занимали дела поместья: утки, куропатки и фазаны — и охота: лошади и собаки. Жена была ему без особой надобности, особенно теперь, когда его мучила подагра. Лиз годилась для того, чтобы принести ему вина, вызвать прислугу и помочь лечь в постель. Его покои находились далеко от ее спальни, в другом конце длинного коридора, так было заведено давно — с тех пор, как он понял, что детей она ему не родит. Что их связывало? Только сожаления, да общий дом, да ледяное одиночество. Поэтому принять у себя Уинфилдов значило рас-

пахнуть настезь ставни, сорвать тяжелые шторы на- встречу свежему чистому воздуху калифорнийской весны.

Икота и сдавленный смешок послышался с другого конца стола, противоположного тому, где сидели Лиз и Кейт по обе стороны от лорда Руперта, но он сделал вид, будто ничего не слышит. Сестры обменялись улыбками. С момента приезда четы Уинфилд Лиз, казалось, помолодела лет на десять. Присутствие сестры, племянников и племянниц, как всегда, вернуло Лиз к жизни, а у Кейт разрывалось сердце при виде состарившейся сестры, ее одинокой жизни в унылой сельской глуши, в доме, который она ненавидела, с человеком, который, очевидно, ее не любил, причем не любил никогда. А теперь она страдала из-за их отъезда. Не пройдет и часа, как их здесь уже не будет, и одному богу известно, придут ли они еще когда-нибудь в Англию. Кейт пригласила сестру в Сан-Франциско, чтобы помочь с приготовлениями к свадьбе Эдвины, однако Лиз понимала, что не сможет надолго оставить Руперта, но приехать в августе на свадьбу обещала.

Икота на другом конце стола была сущим облегчением, предоставив возможность Кейт перевести взгляд на Алексис, почти шестилетнюю озорницу, которой Джордж что-то шептал, а та едва не лопалась от смеха.

— Шшш! — шепнула Кейт, быстро взглянув на Руперта.

У них-то за завтраком бывало шумно, точно на пикнике в честь Дня независимости, но здесь нужно было вести себя прилично. И на этот раз дети очень старались соблюдать установленные Рупертом правила, к тому же тот с возрастом, кажется, немного смягчился: несколь-

ко раз брал с собой на охоту шестнадцатилетнего Филиппа, и юноша — хоть и признался отцу, как ему противно это занятие, — был неизменно вежлив и благодарил дядю. Очень в духе Филиппа, который вечно хотел всем угодить. Неизменно добрый, вежливый, мягкий и поразительно чуткий для своего возраста юноша. Из всех детей Уинфилдов был самым ответственным. С трудом верилось, что ему всего шестнадцать. Разумеется, исключением была Эдвина, но той уже исполнилось двадцать, и через пять месяцев она обзаведется мужем и собственным семейным очагом, а еще через год, надо надеяться, и ребенком. Кейт постоянно приходилось себе напоминать, что ее старшенькая достаточно повзрослела, чтобы выйти замуж и завести детей.

Сейчас они возвращались домой, где их ждали предсвадебные хлопоты. Чарлз также возвращался вместе с ними в Штаты. Ему было двадцать пять, с Эдвиной они случайно познакомились в Сан-Франциско, он влюбился по уши, и с прошлого лета они встречались.

Домой Эдвина и Кейт везли целые ярды купленной в Лондоне чудесной ткани цвета слоновой кости. Свадебное платье взялась шить личная портниха Кейт. Это должно быть настоящее произведение искусства с вышивкой крошечными жемчужинками. А над фатой уже трудилась француженка, недавно приехавшая в Лондон из Парижа. Привезти фату в Сан-Франциско в конце июля должна была леди Фицджеральд. А до этого предстояло переделать кучу дел. Бертрам Уинфилд был далеко не последней личностью в Калифорнии. Его семья владела одной из самых популярных газет в Сан-Франциско, и предполагалось, что на свадьбе будет присут-

ствовать не одна сотня гостей. Над списком Кейт и Эдвина трудились почти месяц, и там набралось уже больше пятисот кандидатур. Но Чарлз только рассмеялся, когда Эдвина предупредила, что гостей может быть еще больше.

— В Лондоне было бы куда страшнее. Два года назад, когда выходила замуж моя сестра, на свадьбе было более семисот приглашенных. Слава богу, я тогда еще торчал в Дели.

Последние четыре года Чарлз провел в путешествиях. После двух лет в Индии вместе с армией он предпринял поездку в Кению, где провел год. Эдвине ужасно нравилось слушать его рассказы о тех приключениях, что происходили там. Она умоляла его отправиться на месяц в Африку, но Чарлз решил быть поближе к цивилизации. Они планировали провести осень в Италии и Франции, а в Лондон хотели вернуться к Рождеству. Эдвина очень надеялась, что к тому времени будет в положении. Она была безумно влюблена в Чарлза и хотела большую семью, такую же, как ее собственная, и супружеские отношения, наполненные счастьем, как у ее родителей. Не то чтобы они никогда не ссорились: еще как ссорились. Когда мама выходила из себя, в их доме в Сан-Франциско буквально дрожали люстры! Но гнев всегда побеждала любовь. А еще была нежность, и сопереживание, и умение прощать. И что бы ни случилось, все видели, как любили друг друга Кейт и Бертрам. Именно так хотела жить Эдвина с Чарлзом, не больше, но и не меньше. Ей не требовалось ни положения, ни титула, ни особняков — ничего из того, что столь неосмотрительно привлекло тетю Лиз к напыщенному Руперту. Ей хотелось доброты, чувства юмора, живого

ума, чтобы вместе можно было смеяться, болтать и работать. Правда, заботиться о куске хлеба им не придется: их ждала легкая и приятная жизнь. Чарлз любил спорт, развлечения в компании друзей, ему никогда не приходилось зарабатывать на жизнь, но ему внушили правильные ценности, и за это она его уважала. Придет день, и он займет место своего отца в палате лордов.

А еще Чарлз, как и Эдвина, хотел, чтобы у них было не меньше полудюжины детей. У ее родителей могло быть семеро, но один малыш умер при рождении — мальчик, который шел следующим за ней и предшествовал Филиппу, отчего у брата развилось повышенное чувство ответственности. Став таким образом старшим из сыновей, он как будто занял чужое место и принимал близко к сердцу все, что делал, отчего на плечи его ложилась дополнительная ответственность. И это здорово облегчало жизнь двенадцатилетнему Джорджу, который считал своей главной жизненной задачей развлекать всех вокруг, начисто забывая обо всякой ответственности. Он при каждом удобном случае изводил Алексис и младших и полагал, будто именно ему выпала честь избавить старшего брата от излишней суровости характера, что он и делал, устраивая кавардак в его кровати или запуская ужей в его ботинки. Очень кстати приходились мыши в карман или перец в утренний кофе — это чтобы день начался правильно. Филипп искренне полагал, что Джордж послан ему, дабы отравить существование, и когда ему — что случалось нечасто — нравилась девочка, Джордж высказывал, как черт из табакерки, и давал советы, словно обладал опытом по женской части. У Джорджа вообще отсутствовало это качество — застенчивость. Он вел себя запанибрата

с кем угодно. На корабле, который доставил их в Англию, Кейт и Бертраму проходу не давали новые восторженные знакомые их сына: «О-о, так вы родители Джорджа!» — и Кейт внутренне содрогалась, гадая, что он натворил на этот раз. Зато Бертрам смеялся — его забавляли безобидные розыгрыши мальчика и живость его натуры. Самой робкой из всех детей была следующая за Джорджем малышка Алексис, с ореолом светлых кудряшек и огромными голубыми глазами. У остальных были темные волосы и синие глаза, как у Кейт и Бертрама, и только Алексис уродилась такой светленькой, что на солнце ее волосы казались белыми. Похоже, ангелы, наделив Джорджа и храбростью, и лукавством сверх меры, для равновесия одарили Алексис чем-то более редким и ценным. Куда бы ни шла девочка, с нее не сводили восхищенных взглядов, и вслед слышалось: «Какая же хорошенькая!» И в считанные минуты она вдруг пропадала, растворялась в воздухе, чтобы через несколько часов появиться опять, тихо и спокойно, словно прилетев на невидимых крыльях. Для Кейт она была «моя дочурка», а для Бертрама — «крошка», счастливо жила в окружении домашних, под их надежной защитой, и крайне редко разговаривала с посторонними. Алексис могла проводить долгие часы в саду, где плела венки, чтобы украсить мамину прическу. Родители были для нее всем на свете, хотя и Эдвину она тоже любила. Только вот самой Эдвине была ближе четырехлетняя Френсис, или Фанни, как ее все называли, с милыми розовыми щечками, пухлыми ручками и крепкими ножками. Ее улыбка могла растопить любое сердце, особенно папино, и у нее, как и у Эдвины, были голубые глаза и блестящие черные волосы. Это была